

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

История как наука

Позитивизм, будучи отражением прорывов в естественнонаучном знании, представил науку в качестве единственного (или единственно достойного современного человека) метода познания. Об истории давно говорили, как об отдельной дисциплине. Однако своими корнями она восходила и к литературе, что заставило задуматься о специфическом характере ее научного статуса.

Во второй половине XIX века хватало ученых, ставивших (как некогда Огюст Конт) под сомнение научность истории вообще. Среди них следует выделить Франсуа Симиана, ученика французского социолога Эмиля Дюркгейма. Симиан утверждал, что история, в отличие от социологии, никогда не станет наукой, поскольку занимается лишь частным и случившимся однажды, в то время как наука стремится к обобщению и нахождению закономерностей.

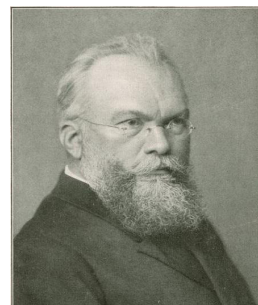

Ему оппонировал Анри Берр, выступивший с позиции критики позитивистского эмпиризма. Берр считал необходимым преодолеть эпистемологический раздел, отделяющий историю от остальных отраслей знания. Путь, предложенный им, – это путь слияния эрудитской традиции историографии, фокусирующейся на сборе фактов, с философией истории и новым социологическим знанием. С этой целью им был учрежден научный журнал «Обзор исторического синтеза». Редактор многотомной серии посвященной эволюции человечества, Берр свои основные мысли выразил в книге «Синтез истории».

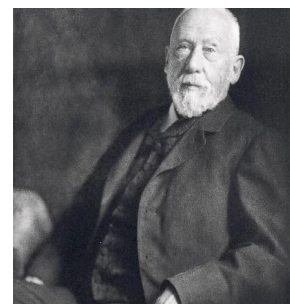
С точки зрения историка, причинно-следственные связи, формирующие основу научных задач, следует рассматривать в трех ипостасях: в качестве простых последовательностей случайных фактов, постоянных последовательностей необходимых фактов и внутренних рациональных связей, отождествленных с психологическими мотивами человеческих поступков.

С особой силой спор о научности истории разгорелся в 90-х годах XIX века в академических кругах Германии, в стране, создавшей новые эталоны исторического познания. Этот спор был неразрывно связан с попытками не столько обосновать положение истории в рамках позитивистского видения науки, сколько подчеркнуть и утвердить отличие истории от естественнонаучных дисциплин, сохранив при этом за историей статус науки.

Инициатором дискуссии выступил выдающийся немецкий историк Карл Лампрехт. Лампрехт, следуя позитивистской тенденции, повторял тезис о том, что цель науки – приводить бесчисленное множество единичных фактов в общую систему. История вписывалась в это определение с той ключевой оговоркой, что заниматься она должна разъяснением психологических связей между мотивами и действиями людей. При этом речь шла, безусловно, не об индивидуальной, а о социальной психологии.

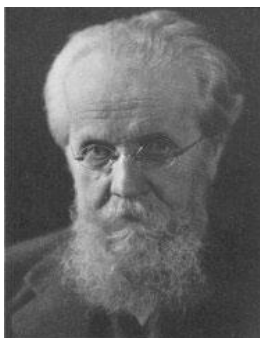
В это же время оформилось деление между так называемыми номотетическими науками (обобщающими) и идеографическими (описательными). Исходя из логики этого деления, философ Вильгельм Дильтей указал на различия в методах изучения материала. Если естествознание стремится выявить причинно-следственные связи в природе, то науки о духе, гуманитарные дисциплины понимают предмет путем интуитивного проникновения в него. Они требуют не просто понимания объективной структуры явления, но «вживания» и «вчувствования» в него, способности преодоления «объективности», обособленности предмета изучения изучающим субъектом.

Важный вклад в усложнение дискуссии о научном статусе истории был внесен неокантианцами. Философы опирались на труды Канта, в первую очередь на введенное в трех критиках деление мира на феноменологический и номенологический. В первом мы являемся частью всеобщих непреложных законов природы, во втором же мы оперируем, пользуясь этической и эстетической свободой выбора и суждений. Исходя из этих предпосылок, Вильгельм Виндельбанд решительно противопоставил естествознание (номотетическую науку об общем) и историю (идеографическую науку об индивидуальном).

Идеографическая природа истории не дискредитировала историю, а указывала на неповторимую природу событийности в человеческом становлении.

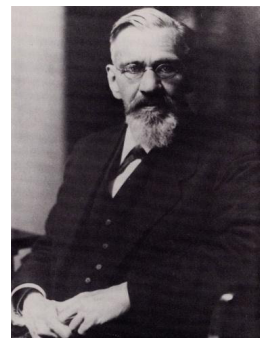

Его неокантианский соратник Генрих Риккерт продолжил эту мысль. Следуя философу, науки следует делить не по двум принципам, а по четырем. Помимо мысли обобщающей и мысли индивидуализирующей, лежащих в основе разграничения между номотетическими и идеографическими дисциплинами, следует дифференцировать между оценочными и неоценочными суждениями. Риккерт предлагает четыре типа познания: обобщающий и неоценочный, к которому он относит чистые науки о природе; необобщающий и неоценочный тип, примером которого может служить геология; оценочный и обобщающий тип, включающий квазиисторические дисциплины (социология и экономика); и необобщающий и оценочный тип, представленный историей в чистом виде.

Таким образом, речь шла о целом спектре познания,двигающемся от предельной, безоценочной абстракции к предельному знанию реальности в самом ее индивидуальном проявлении. История не может ставить перед собой поиск законов, так как историческое развитие исключает повторяемость и закономерность. Ее цель – в отражении действительности во всем ее бесконечном разнообразии.

Это не значило, что история не может быть объективной. Объективность в истории по неокантианцам, зиждилась на отличных от естественнонаучных принципах. Они разработали учение о ценностях, высшими из которых они считали ценности религиозные, ценности, признаваемые всеми членами культурного сообщества. Именно на этой всеобщности культурных ценностей и покоилась «объективность», поскольку исторически существенное обладало значением не для того или иного индивидуума, но для всех.

С важной критикой позитивистских позиций выступил историк античности Эдуард Мейер. Отвергая социологическую псевдоисторию (или историческую псевдонауку) Мейер писал, что исторические законы не более чем идея, служащая путеводной нитью «при установлении и группировке фактов». При ином же восприятии исторических законов как некой версии законов природы теряются три важных фактора создаваемой и обживаемой людьми действительности: случайность, свободная воля и идеи людей. Любая индивидуальность превращается всего лишь в пример проявления общих законов, что приводит к отрицанию истории, как таковой.

Из критики позитивизма, предложенной Мейером, вытекал вопрос: если история – это дисциплина о единичных, неповторимых событиях, то как выделить из бесконечного множества возможных событий те, что могут или должны быть исследованы? Мейер сам обращается к понятию последствий в определении исторических событий. В то же время Мейер признает, что очень многое зависит от самого историка. Последний ставит перед своим объектом вопросы, кои он считает важными в данных общественных условиях. В определенном роде, историк порождает проблемы, которые стремится решить. Его коллеги могут с ним согласиться или не согласиться, поэтому мы можем узнать о предмете исследования еще больше, изменить результаты исследований, подняв другие вопросы.

Социолог Макс Вебер подверг взгляды Мейера критике. История также может познавать общие черты действительности, сопоставляя их с тем, что Вебер назвал «идеальным типом». Идеальный тип – это аналитическая конструкция, создаваемая исследователем не произвольно, а путем «мыслительного усиления определенных элементов действительности». История не может не быть наукой теоретической, даже номотетической, поскольку историк не просто констатирует факты, а рассматривает их сквозь призму своих теоретических представлений.

Теории, отраженные в концепции идеальных типов, не только влияют на систематизацию знания о прошлом, но и сами подвергаются постоянной модификации в результате продолжающегося сопоставления их с «элементами исторической действительности». Идеальные типы могут быть и вовсе отброшены исследователем. В методологии, предложенной Вебером, были заложены основы современной исторической эпистемологии – хотя полное признание его учение об идеальном типе получило лишь во второй половине XX века.

Дискуссии о научном статусе истории проходили в контексте пересмотра методов, следуя которым должен был работать историк. Леопольд фон Ранке заложил основание для критического анализа источников, подвергнувшего критике традиционную историографию, в которой подлинные события смешивались с легендарными.

Развитие критического метода связано также с деятельностью исследователя античности Бартольда Георга Нибура. Историк, следуя Нибуру, соприкасаясь с источником, должен ставить перед собою двойную задачу. Ему необходимо было установить подлинность текста, ответить на вопросы касающиеся его происхождения и контекста его появления. И лишь потом приступать к реконструкции исторической действительности на основе данных.

Долгое время среди историков бытовало мнение, что факты являются своего рода объективно существующими «единицами» информации о прошлом. Они «говорили сами за себя». Прошедшие критическую проверку источники позволяли историкам на основе полученных достоверных фактов восстанавливать картину прошлого такового, каковым, по словам фон Ранке, «оно было на самом деле». От исследователя требовались максимальная беспристрастность и максимальная внимательность к оригинальным историческим текстам.

Позитивисты в общем соглашались с таким видением факта. Видный французский историк Ньюма Дени Фюстель де Куланж преобразовал культ факта в культ письменных источников. Он был убежден, что прошлое непосредственно представлено в текстах из прошлого, поэтому вся историческая наука сводилась у него «к здравому толкованию документов».

Современники де Куланжа, историки Шарль Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос суммировали опыт позитивистской историографии в своей работе «Введение в изучение истории». Это был настоящий декалог, библия позитивистского историзма. В нем утверждалось: «История пишется по документам. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей...

Всякая мысль и всякий поступок, не оставившие прямого следа или оставившие видимый след, который исчез, навсегда потерян для истории. Как если бы он никогда не существовал... Нет документов, нет и истории».

При этом, работа с документами требовала критического исследования с использованием точных методов, не забывая о многочисленных предосторожностях. Процедура должна была начинаться с эвристики – практики, развитой историками-антикварами. Источники нужно было найти и собрать.

Чаще всего источники не были полными. Чтобы избежать искажений и ошибок, связанных с пробелами в источниках, в ход пускались вспомогательные дисциплины. Допускались два ряда вопросов, соответствующих методу составления документа: историк должен был обнаружить, что автор документа действительно думал, насколько искренними были его побуждения, и что он действительно знал.

Ланглуа и Сеньобос признавали, что прошлое историк не наблюдает непосредственным образом, а только знает его по сходству с существующей реальностью. В результате, самое понятие факта претерпело значительные изменения. Историческое знание не казалось уже основанным на непосредственном наблюдении, а потому и метод должен был отличаться от позитивистских наук, основанных на непосредственном наблюдении.

В отличие от естествоиспытателей, историк руководствуется собственными умозаключениями и принципами исторической критики. Если для естествоиспытателя факт является отправной точкой в исследовании, для историка факт есть результат кропотливой работы, конечная его цель. Именно поэтому исторический метод гораздо уязвимее метода, используемого в естественных науках. Однако другого подхода к предмету своего исследования у историков нет.

Как привести отдельные факты к единому синтезу? Ланглуа и Сеньобос разработали процедуру группирования изолированных фактов.

1. необходимо создать в воображении историка мысленный образ, максимально похожий на тот, какой он бы мог наблюдать непосредственным образом.
2. группировать нужно на основе предположения о том, что совокупность явлений настоящего аналогична совокупности явлений прошлого.
3. надо заполнять пробелы посредством рассуждений и умозаключений, исходя из уже достоверно известных фактов.
4. нужно свести факты к категориям и типам, чтобы подчеркнуть и обозначить их общие признаки.
5. изложение результатов работы в форме нарратива.

То, что мы знаем как историю, лишь часть человеческого прошлого, которая поддается сознательной реконструкции на основании имеющихся свидетельств и косвенных данных. При этом Ланглуа и Сеньобос считали чрезмерными требования не использовать выводы других историков. Они писали, что история «не может основываться на вечном написании снова. Историческое построение не делается прямо по рукописям, как история «не пишется по рукописям», ради сбережения времени. Чтобы двигать вперед науку, нужно комбинировать выводы, добытые тысячами частичных работ».

Методологические умозаключения Ланглуа, Сеньобоса и многих других стали отражением конкретной исторической работы, проделанной учеными в обсуждаемый период. Эта работа была сопряжена с появлением новых направлений исторических исследований. Этим направлениям и историческим школам и будет посвящена наша следующая лекция.